

лишение, мы должны узнать, чье потребление должно было сократиться от налога: кто бы ни был этот человек, потребление которого сокращается, собственно он и есть то лицо, на которое действительно падает налог.

Глава VI

Оборотный и основной капитал

1. Для дополнения наших объяснений о капитале необходимо сделать несколько замечаний о тех двух разрядах, на которые он обыкновенно разделяется. Различие между ними замечается очень легко, и мы часто касались его в двух предыдущих главах, хотя и не употребляли терминов, обозначающих его. Теперь пора нам определить эту разницу точным образом и указать некоторые из ее последствий.

Когда капитал затрачивается на производство какого-нибудь товара, часть затраченного капитала перестает быть капиталом, будучи раз употреблена в дело. Она уже не может содействовать производству, по крайней мере не может содействовать ему прежним способом или не может содействовать прежнему производству. Такова, например, часть капитала, состоящая из материалов. Сало и поташ, из которых делается мыло, раз пошедши в дело, перестают быть поташом и салом и в другой раз уже не годятся на выделку мыла, хотя в новой своей форме мыла могут служить материалом или орудием в других отраслях фабрикации. К тому же классу надобно причислить часть капитала, идущую на рабочую плату или потребляемую в виде продовольствия работников. Когда бумагопрядильный фабрикант заплатил часть своего капитала работникам, эта часть уже перестает быть капиталом, по крайней мере капиталом бумагопрядильного фабриканта; та доля этой части, которую потребляют работники, уже вовсе перестает быть капиталом; если даже сберегут они другую долю, ее скорее надобно считать новым капиталом, результатом второй операции сбережения. Капитал, исполняющий таким способом в один только раз все свое дело в производстве, на которое обращен, называется оборотным капиталом. Термин этот, не совершенно удобный, заимствован от того обстоятельства, что эту часть капитала надобно постоянно возобновлять продажей изготовленного продукта, а по возобновлении постоянно приходится тратить ее на покупку материалов и на выдачу рабочей платы, так что она исполняет свое дело, переходя из рук в руки, а не оставаясь неподвижной*.

Другую и также очень большую часть капитала составляют орудия производства, имеющие более или менее прочный характер и производящие

* Вот Милль уже подстановляет понятие денег вместо понятия продуктов и материалов производства. Если мы не забудем, что дело собственно состоит не в деньгах, а во всех разнообразных вещах, нужных для производства и только покупаемых на деньги, то мы не скажем, что, «возобновив оборотную часть капитала, надобно тратить ее на покупку материалов и на выдачу рабочей платы». Ведь капитал в сущности вовсе не деньги, а материалы, инструменты, здания и другие вещи, нужные для производства; пока у нас в руках только еще звонкая монета, у нас еще нет капитала в научном и единственном точном смысле слова. Мы должны сказать: «возобновив оборотный капитал, надобно вновь постоянно расходовать его переработкою в продукт одной его половины и раздачею другой половины работникам». Это замечание относится только к форме выражения, но неточность выражения показывает сбивчивость самых понятий или по крайней мере невнимательность к сохранению их в ясности. Если угодно, можно сказать, что все ошибки школы Смита происходят от этой смутности понятий: но мы увидим, к какой неудовлетворительности ведут эти ошибки в теории распределения.

свое дело не тем, что тратятся, а тем, что остаются целы; их деятельность не истощается одним разом употребления в дело. Сюда принадлежат здания, машины и все или почти все вещи, называемые инструментами. Прочность некоторых из них очень велика, и они продолжают служить орудиями производства при повторении производительной операции множество раз. К этому классу надобно также причислить капитал, затраченный на прочные улучшения земли. Сюда принадлежит и капитал, раз навсегда затрачиваемый в начале предприятия на приготовление возможности для следующих операций. Например, устройство шахты для рудника, постройка каналов, дорог и доков. Можно было бы набрать еще много таких примеров, но довольно и этих. Капитал, существующий в одной из этих прочных форм и возвращаемый продуктами в течение продолжительного времени, называется основным капиталом.

Некоторые роды основного капитала требуют возобновления через определенные или неопределенные сроки. Таковы все инструменты, машины и здания: по временам их нужно возобновлять частями посредством починки, а напоследок они совершенно изнашиваются, не могут уже служить как инструменты, машины, здания и возвращаются в разряд материалов. В других формах капитал не требует полного возобновления, если не подвергнется какому-нибудь чрезвычайному случаю: но все-таки и для этого капитала постоянно или хотя по временам нужен некоторый расход, чтобы поддерживать его. Раз будучи сделан, док или канал не требует, как машина, чтобы его потом делали в другой раз, если его не разрушат преднамеренно, если не засыплется он землетрясением или другою подобною катастрофою; но часто и постоянно нужно делать расход на поддержание его в исправности. Раз будучи вырыты, шахты рудника не требуют, чтобы их рыли в другой раз; но если никто не принимает на себя издержку очищать рудник от воды, он скоро станет не пригоден к делу. Самый прочный из всех основных капиталов — капитал, употребленный на увеличение производительности предметов и сил природы, например, на улучшение земли. Осушение болот или наводнявшихся мест, вроде Бедфордской низменности, расширение прибрежья плотинами — это улучшения, производимые на вечное время; но осушающие каналы и плотины требуют частых поправок. Такой же характер прочности принадлежит улучшению земли дренажем подпочвы, столь сильно увеличивающим производительность глинистых почв; или удобрением, действующим долго, то есть прибавлением к земле не тех веществ, которые входят в состав растений, потребляются ими, а тех, которые просто изменяют отношение почвы к воздуху и воде, например, песка и известки к тяжелым почвам, глины и мергеля к легким. Но даже такие работы для сохранения полного своего действия требуют по временам некоторого расхода, хотя, быть может, очень небольшого.

Тем самым, что заслуживают имени улучшений, эти работы говорят, что дают увеличение продукта, которое за покрытием всех издержек, нужных для их поддержания, оставляет излишек. Этот излишек служит выручкой за капитал, употребленный на первоначальную работу; он не прекращается обветшанием механизма, как выручка от машин, а продолжается навсегда. Возвысившись в своей производительности этим способом, земля имеет на рынке ценность, пропорциональную увеличению ее производительности; потому капитал, употребленный на улучшение земли, обыкновенно считают продолжающим существовать в увеличенной ценности земли. Однако, надобно помнить сущность дела. Этот капитал, подобно всякому другому капиталу, потребился. Он потребился содержанием работников, делавших улучшение, и порче инструментов, помогавших работе; но он был потреблен производительно и оставил прочный результат в увеличенной производительности земли, части природы, обращенной в собственность. Увеличенный продукт этой земли можно назвать общим результатом земли и капитала, положенного в землю. Но этот капитал, будучи в сущности потреблен, не может быть вынут из земли, потому его производительность неразрывно связана с производительностью первобытных качеств почвы и вознаграждение за

пользование им уже зависит не от законов, управляющих выручкой за труд и капитал, а от тех законов, которые управляют доходом от предметов и сил природы. Качества этих законов мы рассмотрим ниже (книга II, глава 16. Рента).

2. Результаты действий оборотного и основного капитала очень различны по отношению к валовому доходу страны. Оборотный капитал, употребляясь в дело одним разом, или вовсе теряет характер капитала или по крайней мере пропадает для прежнего владельца; продукт, даваемый этим одним разом его употреблением, служит владельцу единственным источником восстановить капитал или получить вознаграждение за его затрату на производство; разумеется, продукт должен быть достаточен для этого, иначе говоря, результатом одной операции должно быть воспроизведение, равное всей сумме употребленного в ней оборотного капитала с прибавкою прибыли. В этом нет необходимости для основного капитала. Машина, например, не совершенно потребляется одною операциею, и нет необходимости, чтобы полная выручка за машину давалась продуктом одной операции. Машина удовлетворяет намерению своего владельца, если в каждую операцию она дает столько, чтобы покрыть издержку поправки ее за это время, покрыть порчу в ценности ее за тот же период и за этими вычетами дать еще излишек, могущий составлять прибыль обыкновенного размера на всю ценность машины.

Из этого следует, что всякое увеличение основного капитала должно быть, если не навсегда, то на время, вредно для работников, когда происходит на счет оборотного капитала. Это относится не к одним машинам, но и ко всем улучшениям, на которые капитал употребляется безвозвратно, так что уже навсегда становится неспособен содержать и вознаграждать труд. Предположим, что владелец земли сам, будучи фермером своего поместья, возделывает его капиталом в 2 000 кварталов хлеба, употребляемым на годичное содержание работников (для простоты мы опускаем орудия и семена на посев); положим, что труд их производит ему ежегодно 2 400 кварталов, — это составляет прибыль в 20%. Предположим, что он ежегодно потребляет эту прибыль, ведя свои операции из года в год на первоначальный капитал в 2 000 кварталов. Положим теперь, что, расходуя половину этого капитала, он производит в своей земле прочное улучшение, которое исполняется половиною его работников и занимает их в течение года, а по истечении года ему на обработку земли нужна будет только половина прежнего числа работников. Остаток своего капитала он употребляет попрежнему. В первый год нет никакой разницы в положении работников, кроме того, что часть их прежнего свое вознаграждение получила за переделку в земле, а не за распашку, посев и жнитво, как прежде. Но по окончании года владелец, сделавший улучшение, не имеет капитала в 2 000 кварталов, как прежде: только 1 000 кварталов его капитала воспроизведены попрежнему, у него теперь только эти 1 000 кварталов и улучшение, сделанное в земле. На следующий год и потом во все будущие годы он будет употреблять только половину прежнего числа работников и будет раздавать им только половину прежнего количества хлеба. Потеря скоро будет заглажена для них, если улучшенная земля с уменьшенным количеством труда производит прежние 2 400 кварталов хлеба, потому что такое громадное увеличение прибыли, вероятно, расположит владельца сберегать часть ее, прибавлять сбереженное к капиталу и через это увеличивать занятие, даваемое им труду. Но очень может быть, что этого и не будет. Мы предполагаем, что улучшение вековечно и расходы на его поддержку так малы, что не стоит брать их в расчет; в таком случае владелец много уже выиграет от улучшения, если земля стала давать не 2 400 кварталов, а 1 500 кварталов, потому что за вычетом 1 000 кварталов на возобновление, составляющих ныне его оборотный капитал, у него будет прибыль в 25% на весь основной и оборотный капитал, вместо прежней прибыли в 20%. Итак, улучшение может быть очень выгодным для него, будучи очень вредным для работников.

Предположение с этими условиями — гипотеза чисто идеальная или

приложимая разве только к такому случаю, как обращение пахотной земли в пастбище, — дело, бывшее прежде в большом употреблении, но почитаемое нынешними агрономами за шаг назад, а не вперед. Результат нынешних земледельческих улучшений, по крайней мере тех улучшений, которые обращены на самую почву *, состоит в том, что они вовсе не уменьшают, а, напротив, увеличивают валовой продукт. Но для сущности вопроса, нами излагаемого, это все равно. Предположим, что улучшение не действует тем способом, как мы прежде предполагали, что оно не дает возможности уменьшить количество труда, какое прежде прилагалось к земле, а только дает средство тому же труду производить больше продуктов. Предположим также, что есть потребность и найдутся покупатели на все это большее количество продуктов, которое можно получать из земли прежним количеством труда. В таком случае владельцу, сделавшему улучшение, будет нужно прежнее количество работников, получающих прежнюю плату. Но где же у него будут средства платить им? У него уж нет прежнего капитала в 2 000 кварталов на эту надобность. 1 000 кварталов исчезли, потреблены на производство улучшения. Если ему нужно иметь прежнее количество работников, давать им прежнюю плату, он должен занять или получить из какого-нибудь другого источника 1 000 кварталов на пополнение недочета. Но эти 1 000 кварталов уже содержали или предназначались содержать такое же количество труда. Они не вновь созданы, их назначение только перешло от одного производительного употребления к другому; владелец поместья пополнил недочет в своем оборотном капитале, но убыль, нанесенная оборотному капиталу нации, осталась непополненной.

Аргумент, на который опираются почти все писатели, утверждающие, что машины никогда не могут вредить рабочему классу, состоит в том, что машины, удешевляя производство, создают сильное увеличение в запросе на товар, в скором времени дающее возможность находить занятие в его производстве большему числу людей, чем прежде. По-моему, этот аргумент не имеет силы, обыкновенно приписываемой ему. Правда, факт, им указываемый часто бывает справедлив (хотя аргумент приписывает ему слишком безысключительный характер). Правда, вместо переписчиков, лишенных занятия изобретением книгопечатания, скоро явился более многочисленный класс наборщиков и печатальщиков; число людей, занятых хлопчатобумажным производством, теперь во много раз больше, нежели было до изобретений Гартгривса и Аркрайта; это показывает, что сверх громадного основного капитала, положенного на хлопчатобумажные фабрики, хлопчатобумажное производство употребляет оборотный капитал, гораздо значительнейший прежнего. Но если этот капитал был вынут из других занятий, если суммы, занявшие место капитала, положенного на дорогой механизм, были доставлены не увеличением сбережений, произошедшим из усовершенствований, а заимствованием из общего капитала страны, то какая же польза рабочим классам от этого простого перенесения капитала? Чем вознаградилась потеря, понесенная ими от превращения оборотного капитала в основной, когда просто передвинулась в новое занятие от прежних занятий часть остального оборотного капитала? **

* Разница этих улучшений от тех, которые производятся не в самой почве, а в способах возделывания, изложена ниже, кн. I, глава 12, § 3. — *Прим. авт.*

** Эти задачи не просто предлагаются в форме вопросов, они до сих пор и остаются вопросами, они еще не решены; а между тем от них-то и зависит сила аргумента, противопоставляемого мнению о вредном влиянии машин на рабочую плату при нынешнем экономическом порядке. Положение дела таково. Прогрессивная школа говорит: «Из принципов, доказанных теориею Смита, следует, что само по себе замещение ручного производства машинным убыточно действует на рабочую плату. Чтобы уравновесить хотя со временем эту потерю для работников, надобно произвести нового оборотного капитала. Докажите, что он действительно произведен, например, в хлопчатобумажном»

По моему понятию, все попытки доказать, что рабочие классы в общем своем составе не могут временно страдать от введения машин или от положения капитала на постоянное усовершенствование, непременно обманчивы. То, что работники страдают в той отрасли промышленности, в которой происходит эта перемена, очевидно для простого здравого смысла, и с этим политико-экономы вообще согласны. Но часто они говорят, что если отнимается занятие у труда в одной отрасли, точно такое же количество занятия открывается ему в других отраслях, потому что сумма, сберегаемая потребителями по удешевлению одного товара, дает им средство увеличивать свое потребление в других товарах, и таким образом увеличивает запрос на другие роды труда. Это аргумент очень благовидный, но, как мы показали в предыдущей главе, он заключает в себе обман: запрос на товары совершенно не то, что запрос на труд. Правда, у потребителей увеличались теперь средства покупать другие вещи; но это еще не создает других вещей, если нет капитала на их производство, а усовершенствование не освободило никакого капитала, может быть, даже поглотило его из других занятий; поэтому вовсе не произойдет предполагаемого увеличения производства и занятия труда в других отраслях, и увеличение запроса на товары со стороны некоторых потребителей уравнивается прекращением запроса со стороны других, именно со стороны работников, лишившихся занятия от усовершенствования: они теперь или вовсе остаются без продовольствия, или получают его, путем соперничества или путем благотворительности, через отделение части из того, что прежде потреблялось другими.

бумажной фабрикации; только тогда годятся ваши аргументы, заимствуемые от удешевления коленика и увеличения числа работников в Манчестере. Пока вы не представите этого доказательства, надобно думать, что хотя работников стало больше, но положение их стало хуже, — это прямое следствие общего закона, открытого теориею Смита». Нет, говорит школа Смита, этот случай (и всякий другой случай замещения ручного производства машинным) служит исключением из общего принципа (который таким образом выставляется просто бездействующим законом, что случается в юриспруденции, но не в природе, в законах, исполнение которых зависит от человеческой внимательности и охоты, а не от сил природы, не от качеств самих вещей). «Докажите это, — говорит прогрессивная школа: — кто утверждает, что общий закон не оказывает влияния на данный случай, должен показать, почему же этот случай составил исключение из общего правила». Доказательств школа Смита не представляет, а продолжает твердить прежнее: «Нет, поверьте, это исключение (да как же верить без всяких оснований?); притом число работников увеличилось (да это не идет к делу, дело не в том, увеличилось или уменьшилось число работников, а в том, лучше или хуже стало их положение); да успокойтесь; да не ропщите; да чего вы хотите? [Да вы хотите чего-то ужасного и гнусного; да вы вредные люди?]. Чего хотят прогрессивные люди, это пока не относится к делу; [и вредные ли они люди, тоже не относится к делу]; дело пока в том, как действуют машины на рабочую плату при нынешнем экономическом устройстве. По принципу теории Смита они действуют вредно. Школе Смита угодно утверждать: нет, не вредно, а полезно; ее просят заняться исследованием фактов; она этого не делает. Факты по вопросу о действии машин Аркрайта и Гаргривса на рабочий класс нужно исследовать по крайней мере хотя следующие:

1) Сто лет назад масса народа в Англии носила льняное и шерстяное белье и платье вместо нынешнего хлопчато-бумажного; надобно узнать, теплее ли стала одежда массы от этой перемены, меньше ли стало прорех и заплат в этой одежде? Это не исследовано.

2) Уничтожилась домашняя выделка льняных и шерстяных тканей в Англии, выгодно ли это было для семейств, которые отказались от такой выделки, или по невозможности продолжать ее, или по ослаблению в них привычки употреблять на полезное дело каждую досужную минуту, по раз-

3. Однако ж я не думаю, чтобы в действительности усовершенствования часто бывали (если только когда-нибудь бываю) даже временным образом вредны рабочему классу во всей его массе. Они были бы вредны, если бы внезапно происходили в большом размере, — тогда значительная часть капитала, полагаемого в них, по необходимости бралась бы из сумм, уже служивших оборотным капиталом. Но усовершенствования всегда вводятся очень постепенно и редко делаются или никогда не делаются на капитал, извлекаемый из существующего производства, а совершаются обращением на них возрастания капитала. Едва ли можно найти хотя один пример значительного увеличения основного капитала в таком месте и в такое время, когда не возрастал бы быстро и оборотный капитал. Не в бедных и не в отсталых странах делаются большие и дорогие усовершенствования в производстве. Кладь капитал в землю для постоянной выручки, вводить дорогие машины, — это дела, заключающие в себе пожертвование настоящими выгодами для отдаленных, и показывающие, во-первых, довольно полную безопасность собственности, во-вторых, значительную деятельность в промышленной предприимчивости, в-третьих, высокую степень так называемого «деятельного стремления к накоплению»; все эти три обстоятельства — элементы быстрого общественного прогресса в увеличении капитала. Потому мы говорим: рабочие классы должны страдать, если увеличение основного капитала так сильно и быстро, что замедляет то обыкновенное возрастание оборотного капитала, к которому приспособилось обычное возрастание населения, — и тем более должны страдать, если возрастание основного капитала происходит насчет оборотного; но в действительности очень трудно ждать этого, потому что, вероятно, нет страны, в которой основной капитал возрастал бы в пропорции более быстрой, чем оборотный. Если бы все железные дороги, получившие утверждение парламента во время спекулятивной горячки

витию привычки проводить в праздности часы, остающиеся от фабричной работы? Не исследовано.

3) Возделыванием льна и шерсти занимались свободные люди в Англии или на континенте Европы; теперь вместо их продуктов, вместо льна и шерсти, требуется материал, производимый рабским трудом в южных штатах Северной Америки: выгодна ли для Англии, европейского континента и самой Америки замена свободного труда рабским? Без Манчестера рабство в Северной Америке давно уничтожилось бы. Выгодно ли, что оно напротив очень сильно развилось? — Аболиционисты⁴⁷ говорят, что это убыточно для Северной Америки и всего человеческого рода, и представляют доказательства. Экономисты говорят⁴⁸: это, может быть, не гуманно, но это выгодно, если бы не было выгодно, не развилось бы. Им возражают: по вашей собственной теории, выгода малочисленного сословия может быть убытком для нации; если невольничий труд развивается, это показывает только, что он выгоден для плантаторов, но не показывает, чтобы он был выгоден для нации; по вашей собственной теории, невольничий труд убыточен для нации. — Нет, говорят они, тут он выгоден. — Докажите, исследуйте вопрос, говорят им. — Они оставляют вопрос без исследования и продолжают говорить прежнее.

Итак, вот общий очерк дела: по общему закону доказано, что должно происходить от данного факта известное явление. Нет, оно не происходит, говорят экономисты. Докажите, что не происходит, говорят им. Нет, доказывать мы не умеем, а просто говорим, что вы вредные люди, отвечают они. Верны ли такие господа духу теории Адама Смита, который хочет, чтобы все было исследовано взвешено, измерено? Это произвол, это фантазия оптимизма, это застой рутины, это все, что вы хотите, может быть и очень хорошее (ведь может быть, произвол, оптимизм, рутинизм — вещи очень хорошие, по крайней мере так утверждают многие), но это не наука, это не исследование истины.

1845 года⁴⁹, были построены в сроки, назначенные для их окончания, эта неправдоподобная случайность, вероятно, произошла бы; но тогдашний оборот дела именно и служит поразительным примером трудностей, представляющих обращение на новый путь значительной части капитала, уже пошедшей по известному пути, — трудностей, вообще имеющих такую силу, что предприятия, требующие затраты основного капитала, не могут развиваться с такою быстротою, чтобы иссушать источники существующего употребления капитала на содержание труда.

К этим соображениям надобно прибавить, что если бы усовершенствования даже и уменьшали на время массу продуктов общества и его оборотный капитал, то они все-таки ведут к увеличению массы продуктов и оборотного капитала. Они увеличивают выручку на капитал; выгода от этого увеличения должна по необходимости идти или капиталисту через увеличение прибыли, или потребителю через понижение цены; в том и в другом случае, она увеличивает фонд, из которого делается сбережение, а увеличение прибыли, кроме того, служит усилением побуждения к накоплению. В представленном нами примере, когда непосредственным результатом усовершенствования было уменьшение валового продукта с 2 400 кварталов на 1 500 кварталов, прибыль капиталиста все-таки увеличилась от 400 кварталов до 500 кварталов; прибавка 100 кварталов прибыли в несколько лет восстановит 1 000 кварталов уменьшения в оборотном капитале владельца, если он будет постоянно сберегать ее. А расширение оборотов, бывающее почти неизменным следствием усовершенствований в каждой отрасли производства, дает человеку, занимающемуся ею, сильное побуждение увеличивать капитал; потому при медленности, с которою обыкновенно вводятся усовершенствования, значительная часть капитала, окончательно поглощаемого улучшением, берется из увеличения прибыли и увеличения сбережений, производимого самым этим усовершенствованием.

Стремление усовершенствований производства вызывать увеличение накопления и через это в результате увеличивать валовой продукт, хотя бы он временно и уменьшался, — это стремление представится нам в еще сильнейшем характере, когда мы увидим, что есть определенные границы и накоплению капитала и увеличению производства, получаемого от земли, что по достижении этих границ, всякое дальнейшее увеличение массы продуктов должно останавливаться, и что усовершенствования в производстве, каковы бы ни были другие их последствия, всегда стремятся отодвинуть ту или другую из этих границ; эти истины представляются нам совершенно ясными в одном из следующих отделов нашего исследования. Мы увидим, что количество капитала, которое будет накапливаться в известной стране и больше которого не может в ней накапливаться, а также и количество валового продукта, которое будет в ней производиться и больше которого не может в ней производиться, зависит от состояния производительных искусств этой страны в данное время; мы увидим, что всякое усовершенствование хотя бы на время даже уменьшало оборотный капитал и валовой продукт, в результате открывает путь увеличению оборотного капитала и валового продукта до размеров без того невозможных. Этим окончательно пресекаются возражения против машин; и мы впоследствии (книга IV, глава 5) увидим, что эти истины дают бесспорное доказательство тому, что даже при нынешнем состоянии общества механические изобретения в результате приносят пользу работникам. Но этим не снимается с правительств обязанность облегчать и, если возможно, предупреждать бедствия, которым подвергается или может подвергаться существующее поколение от этого дела, полезного в окончательном результате. Если положение капитала на машины или полезные сооружения шло бы когда-нибудь в такой пропорции, что чувствительно уменьшало бы массу продуктов, на которые содержится труд, то законодательная власть была бы обязана принять меры для некоторого уменьшения этой быстроты; а так как усовершенствования, не уменьшающие массы занятий для труда в целом его составе, почти всегда лишают занятий какой-нибудь отдельный класс работников, то для стараний законодательной власти самым законным пред-

метом служит забота об интересах людей, приносимых таким образом в жертву для выгод своих сограждан и потомства*.

Возвращаясь к теоретическому подразделению капитала на основной и оборотный, мы должны заметить, что при понятии о капитале, как о всей сумме богатства, назначенного на воспроизведение, встречаются такие элементы капитала, которые не совсем подходят ни под определение основного капитала, ни под определение оборотного капитала; это надобно сказать, например, о запасе изготовленных товаров, которые мануфактурист или торговец имеет в данное время не проданными в своих кладовых. Но эти запасы, будучи капиталом по своему назначению, еще не сделались капиталом по фактической своей деятельности: запас непроданных товаров еще не пошел на производство; для этого ему надобно сначала быть проданным или обмененным, то есть обращенным в другие товары равномерной ценности; потому этот запас не стал еще ни основным, ни оборотным капиталом, но он станет основным или оборотным или распределится между этими двумя назначениями. Частью выручки за свои изготовленные товары фабрикант будет платить своим работникам, другою частью возобновит запас материалов для своей фабрикации, третью часть изготовит для фабрикации новые или поправит старые здания и машины; но сколько из выручки пойдет на какое из этих назначений, зависит от характера фабрикации и от ее потребностей в данную минуту.

Надобно также заметить, что часть капитала, потребляемая в форме посева или материала, относится к части его, идущей на содержание труда, точно так же, как основной капитал, хотя имеет с основным капиталом ту разницу, что должна быть восстанавливаема из валового продукта одного оборота производства. Сумма, расходуемая на материал, отнимается от содержания и вознаграждения работников, подобно сумме, полагаемой в машину; и если бы капитал, расходуемый на рабочую плату, был обращен на материал, результаты этой перемены были бы так же вредны работникам, как если бы он обращался в основной капитал. Но этого случая никогда не бывает в действительности. Стремление усовершенствований производства всегда состоит в уменьшении, а не в увеличении расхода посева или материала на данное количество продукта, и работники никогда не могут бояться ущерба своим интересам от этой стороны дела.

* Читатель видит, как далека неискаженная теория Смита даже в нынешнем своем положении от поклонения тому воззрению, которое известно под именем системы *laissez faire, laissez passer*⁶⁰, от безусловного принятия принципа о невмешательстве законодательной власти в экономические дела. Полное развитие неискаженных понятий об этом вопросе по смитовской теории составляет последнюю (V) книгу трактата Милля. До той поры он касается отношений правительства к экономической деятельности почти всегда только мимоходом (впрочем, и в четырех первых книгах довольно большие исследования этой задачи представляются у него по некоторым частным предметам, например, по ренте, по принадлежности земли самим землепашцам и по наследству). Следуя в своих дополнениях порядку его изложения, мы также оставим до V книги развитие принимаемых нами понятий об экономической функции законодательства. Здесь заметим только, что по неискаженной теории Смита общими принципами для разрешения вопросов этого отдела науки принимаются та же самая основная идея и тот же самый основной прием, какие служат общими принципами всей экономической науки, да и вообще всех тех нравственных наук, которые говорят о предметах, доступных измерению: основная идея — благосостояние общества или человечества или человека, а основной прием — счет и мера.